

Джон Диксон Карр

СЛЕПОЙ
ЦИРЮЛЬНИК

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE BLIND BARBER
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
DEATH-WATCH
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1935
THE HOLLOW MAN
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1934
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Елены Королевой, Евгения Куприна, Ольги Обвинцевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-25529-6

© Е. А. Королева, перевод, 2024
© Е. А. Куприн, перевод, 1992
© О. М. Обвинцева, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

СЛЕПОЙ
ЦИРЮЛЬНИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ Странный груз

Когда океанский лайнер «Королева Виктория» вышел из Нью-Йорка, держа курс на Саутгемптон и Шербур, поговаривали, что на борту находятся два весьма известных человека, и перешептывались, что третий, оваянный в высшей степени дурной славой, тоже поднялся на борт. Более того, был и четвертый — впрочем, ничем не примечательный, — который позже примет довольно активное участие в этой скандальной и суматошной хронике. Сам того не подозревая, этот молодой человек вез в своем багаже нечто куда более ценное, чем марионетки месье Фортинбраса или изумрудный слон лорда Стертона, чем частично объясняется, откуда столько загадок и карнавальная атмосфера в недрах степенной «Королевы Виктории» и столько нелепых проделок, вовсе не соответствующих заведенной традиции.

Ни на одной линии Британского пароходства не найдется судна более почтенного, чем «Королева Виктория». Она представляет собой так называемый семейный лайнер, и это означает: никаких увеселений в каютах после одиннадцати вечера и неукоснительное соблюдение смены часовых поясов в океане, отчего бар вечно закрывается на три четверти часа раньше, чем вы ожидали, вынуждая вас чертыхаться. Охваченные меланхолией пассажиры сидят в сверкающем поверхностями почтовом салоне и, судя по лицам, сочиняют послания родственникам усопших. В роскошном салоне ведутся приглушенные разговоры — деревянные переборки скрипят громче, когда за иллюминаторами взмывает зеленая искрящаяся волна; и вязальщицы трудятся не покладая рук, пока не зажгутся электрические лампы, заменяющие собой камин. Некоторое подобие веселья наблюдается, когда классический оркестр играет за обедом и ужином на галерее ресторана. Однако один рейс на восток, состоявшийся весной прошлого года, капитан второ-

го ранга сэр Гектор Уистлер не забудет никогда. Капитан Уистлер вполне профессионально играет роль рубахи-парня для своих пассажиров, скрывая взрывной характер всякого шкипера, променявшего парус на пар, а его сочные выражения неизменно вызывают восхищение младших офицеров. В общем...

«Королева Виктория» должна была прибыть в порт Саутгемптона днем 18 мая, совершив самый странный вояж в своей истории. А утром следующего дня мистер Генри Морган нажимал кнопку звонка нового дома доктора Фелла на Адельфи-Террас, номер 1. Генри Морган, нелишне напомнить, был тем самым прославленным автором детективных романов, который относится к собственному занятию с неповадительно легкомыслием, а знакомство с доктором Феллом он свел во время расследования дела о восьмерке мечей. В то самое утро — когда подернутое дымкой солнце поднималось над рекой и тихими садами Адельфи-Террас — на вытянутой, обманчиво меланхолической физиономии Моргана, украшенной очками, было написано то ли негодование, то ли изумление. Но он точно выглядел как человек, многое переживший, и так оно и было.

Доктор Фелл тепло встретил его, пророкотав приветствие, и всунул ему в руку кружку с пивом. Доктор, как отметил его гость, стал еще толще и краснее лицом, чем прежде. Он горой возвышался над глубоким креслом в узкой амбразуре одного из окон с видом на реку. В комнате с высокими потолками и камином в стиле братьев Адам стало больше порядка с тех пор, как Морган видел ее несколько месяцев назад, когда доктор с миссис Фелл только переехали. Здесь все равно было не прибрано, по обыкновению доктора Фелла; впрочем, пять тысяч с лишним томов удалось втиснуть на дубовые стеллажи, а нескончаемые безделушки обрели свои места в укромных уголках и нишах. У доктора Фелла имелась старомодная слабость к безделушкам, в особенности к ярким картинкам с охотничьими сюжетами или иллюстрациями к Диккенсу, а также со сценками, на которых пассажиры высаживались на станции дилижансов или джентльмены салютовали пивными кружками с крыльца деревенской гостиницы. Еще он обожал фарфоровые пивные кружки с рельефными фигурками и оловянными крышками, необычные книгодержатели, пепельницы, украденные из пабов, статуэтки монахов и чертей и прочие детские сокровища, которые тем не менее — в этой сумрачной комнате с дубовы-

ми стеллажами и с потертым ковром на полу — создавали весьма подходящий фон для его гаргантюанского присутствия. Он сидел в своем кресле в амбразуре окна, перед широким столом, заваленным книгами и бумагами, под его разбойничьими усами играла усмешка, а в глазах, обращенных на гостя поверх пенсне на широкой черной ленте, горел огонек. Когда сигары были раскурены, доктор Фелл произнес:

— Возможно, я ошибаюсь, мальчик мой, но мне кажется, я замечаю в вашем взгляде профессиональный интерес. — Он шумно задышал, сложив крупные ладони на столе. — Признавайтесь, что вы там задумали?

— Признаюсь, — угрюмо ответил Морган. — Я готов изложить самую нелепую историю на свете, если у вас найдется время выслушать ее. Она довольно длинная, но, подозреваю, соскучиться вы не успеете. И еще я взял на себя смелость — если вам потребуется дополнительное подтверждение моим словам — пригласить сюда Кёрта Уоррена...

— Хе! — хмыкнул доктор Фелл, в предвкушении потирая руки. — Хе-хе-хе! Как в старые добрые времена. Разумеется, время у меня есть. И приглашайте ко мне кого угодно. Наливайте себе еще и приступайте к сути.

Морган сделал хороший глоток и глубоко вздохнул.

— Первым делом, — начал он так, словно собирался читать лекцию, — я бы обратил ваше внимание на тех, кому достались места за столом капитана на борту старой доброй «Королевы Виктории». В их числе, к счастью или несчастью, был и я.

Сначала я опасался, что путешествие будет скучным: все вокруг прямо-таки сочилось добропорядочностью, и спустя полчаса после открытия бара там сидело всего два человека, не считая меня. Именно так я и свел знакомство с Вальвиком и Уорреном.

Томассен Вальвик — норвежец, бывший капитан, водивший по маршрутам Северной Атлантики и грузовые, и пассажирские суда, теперь он уже на пенсии, живет в собственном домике в Балтиморе, у него там жена, «форд» и девять детей. Сложен он как профессиональный боксер, постоянно жестикулирует и имеет привычку громко фыркать через нос, прежде чем засмеяться. Кроме того, он самый душевный собеседник, способный всю ночь напролет потчевать вас невозможными байками, которые кажутся еще смешнее из-за его убийственного акцента, и никогда не обижает-

ся, если его называют лгуном. У него рыжие усы и светло-голубые глаза, утопающие в морщинках, и в целом лицо морщинистое, с красноватой обветренной кожей, а еще в нем начисто отсутствует высокомерие. Я понимал, что для капитана сэра Гектора Уистлера вояж намечается непростой.

Поскольку, видите ли, капитан Вальвик знал шкипера «Королевы Виктории» еще в прежние времена, до того как Уистлер сделался важным и суровым джентльменом, восседающим во главе стола. И Уистлер, толстеющий, с поджатыми губами и сутулыми плечами, сверкающий золотым позументом, словно рождественская елка, глаз не спускал с Вальвика. Он следил за Вальвиком так, как на корабле в шторм следят за тарелкой супа, однако это никак не действовало на непрошибаемого скандинава и не останавливало поток его баек.

Поначалу это не имело особенного значения. Потому что мы попали в шторм сразу же и внезапно: шквалистый ветер с дождем и головокружительное сочетание килевой и бортовой качки разогнали почти всех пассажиров по каютам. Все элегантные гостиные и салоны лайнера обезлюдели совершенно, в коридорах трещало так, словно кто-то раздирал на части плетеные корзины, а море с ревом проседало, колошматя тебя о переборки, и вздымалось, швыряя тебя куда-то головой вперед, и попытка подняться по трапу превращалась в настоящее приключение. Лично я люблю плохую погоду. Люблю, когда ветер врывается в открывающуюся дверь, люблю запахи белой краски и надраенной меди, от которых, говорят, и делается морская болезнь, и еще как коридор поднимается и опускается, словно лифт. Но некоторым на все это вообще плевать. И в результате за капитанским столом осталось всего шестеро: Уистлер, Вальвик, Маргарет Гленн, Уоррен, доктор Кайл и я. Две знаменитости, на которые нам хотелось посмотреть, были представлены пустыми стульями... А сидеть на них полагалось старому Фортинбрасу, который держит ставший очень знаменитым театр марионеток, и виконту Стертону. Не знаете никого из них?

Доктор Фелл взьерошил густую копну тронутых сединой волос.

— Фортинбрас! — громыхнул он. — А не о нем ли я читаю последнее время в некоторых журналах для снобов? Театр где-то

в Лондоне, марионетки в натуральную величину, тяжелые, как настоящие люди, он еще ставит классические французские драмы, кажется?

— Верно, — закивал Морган. — Он занимался этим последние лет десять-двенадцать для собственного развлечения или же из мистического чувства, что тем самым он спасает Высокое Искусство; его театр, тесная коробка с голыми скамьями, вмещающая человек пятьдесят, находится где-то в Сохо. Никто к нему и не заходил, кроме детей проживающих там иностранцев, но уж те были от него без ума. *Pièce de résistance*¹ старого Фортинбраса — его собственная постановка «Песни о Роланде», переложенной французским белым стихом. Все это я узнал от Пегги Гленн. Она говорит, большую часть ролей исполнял он сам, громогласно выкрикивая благородные стихи из-за сцены, и сам же с ассистентом двигал фигуры. Марионетки весят почти по восемь стоунов² каждая — они набиты опилками, в доспехах, с мечами и с прочими атрибутами — и потому установлены на специальные тележки и снабжены сложной системой проволок, которые приводят в движение руки и ноги. И это жизненно необходимо, поскольку в основном его куклы сражались друг с другом, а дети в зрительном зале то и дело вскакивали с мест и вопили до хрипоты, подбадривая героев.

Дети, понимаете ли, никогда не обращают внимания на высокие чувства. Они, вероятно, вообще не слушали стихов и не понимали, к чему они. Все, что они знали: на сцену, раскачиваясь, выдвигался Император Шарлемань³, весь в золотых доспехах и в алом плаще, с мечом в одной руке и с боевым топором — в другой. За ним, толкаясь и пошатываясь, вываливали все его паладины, в таких же ярких одеяниях и со столь же смертоносным оружием. С противоположной стороны к ним приближался Мавританский Султан со *своей* шайкой, вооруженной до зубов. Затем марионетки силились разными способами удержать равновесие, пока Шарлемань громовым голосом произносил: «Внемли, бездельник, стой на месте, теперь голов вам не снести, ступайте к черту, гран мерси!» — после чего раздражался белым стихом минут на двадцать. Суть речи

¹ Гвоздь программы (фр.).

² Примерно по 50 кг.

³ *Карл Великий* (742/747 или 748–814) — король франков и лангобардов, император Запада, основатель империи Каролингов, «Отец Европы»; помимо прочего, долгие годы воевал с маврами мусульманской Испании.

сводилась к тому, что маврам нечего делать во Франции и не пошли бы они в преисподнюю или куда подальше. Мавританский Султан поднимал свой меч и отвечал тоже минут пятнадцать, хотя общий смысл его монолога можно выразить словами: «Ну вот еще!» И тогда Шарлемань, испустив боевой клич, как следует врезал противнику топором.

После чего начиналось настоящее веселье. Куклы поднимались над сценой и налетали друг на друга, словно бойцовые петухи на арене, колотили друг друга мечами и пинались так, что дым стоял коромыслом. Ежеминутно какую-нибудь из марионеток, «павшую в бою», отцепляли от тележки, и она с грохотом падала на сцену, поднимая тучи пыли. И в этом пыльном облаке битва кипела и громыхала дальше, а старик Фортинбрас носился за сценой, выкрикивая благородные вирши и сажая голос, пока дети заходились от восторга. Затем занавес опускался, и появлялся Фортинбрас, кланяясь, отдуваясь и утирая с лица пот, бесконечно счастливый от аплодисментов своих зрителей, и он закатывал речь о славе Франции, которой они аплодировали так же неистово, совершенно не понимая, о чем он толкует... Он был счастливый артист, артист, оцененный по достоинству.

Что ж, это было неизбежно. Рано ли поздно Фортинбраса и его искусство обязательно должен был «открыть» какой-нибудь высоколобый интеллеktуал, и его открыли. Однажды он проснулся знаменитым, непризнанным гением, которым британская публика, к стыду своему, пренебрегала. Отныне вход на его представления детям был заказан, там сидели сплошные господа в цилиндрах, ценители Корнеля и Расина. Я так понял, что старик был весьма сильно этим озадачен. В итоге он получил сногшибательное предложение представить свои многочисленные исторические драмы в Америке и отправился в долгое триумфальное турне...

Морган перевел дух:

— Все это, как я уже упомянул, я узнал от мисс Гленн, она — причем за целую вечность до нагрянувшей славы — служила у сумасшедшего старика то ли секретарем, то ли администратором. Она какая-то его дальняя родственница по материнской линии. Отец у нее был вроде бы сельским священником или учителем, и после его смерти она отправилась покорять Лондон, где едва не умерла с голоду, прежде чем старый Жюль взял ее в свой театр. Она

чертовски хороша собой, хотя производит впечатление чопорной и суховатой, но это — пока не поймешь, какой она в действительности бесенок, ну, или пока она не выпьет пару бокалов, и вот тогда она предстает во всем блеске.

Так вот, Пегги Гленн — еще одна участница нашей компании, а замыкает список мой друг Кёртис Уоррен.

Кёрт вам понравится. Он довольно бесшабашный, этот любимый племянник одного Большого Человека, который нынче представлен в американском правительстве...

— Что за человек? — заинтересовался доктор Фелл. — Не помню там ни одного Уоррена...

Морган кашлянул.

— Мой друг — сын его сестры, — пояснил он. — И их родство имеет непосредственное отношение к моему повествованию, но пока что будем называть его просто Большим Человеком, приближенным к самому Франклину Делано. Этот Большой Человек, между прочим, весьма величественная и помпезная фигура среди политиков: самый блестящий цилиндр, самая острая стрелка на брюках, безусловно правильная речь и неукоснительное следование этикету... Он потянул там за какие-то ниточки (за которые простой смертный потянуть не может) и раздобыл Кёрту местечко в консульской службе. Местечко не самое хлебное, по правде говоря, какая-то богом забытая дыра в Палестине или где-то рядом, и Кёрт решил устроить себе каникулы с путешествием по Европе, прежде чем он приступит к тяжким обязанностям ставить штемпели на накладные и тому подобное. Кстати, у него имеется хобби: он снимает любительские фильмы. Он человек зажиточный, и, насколько я понимаю, в его распоряжении не только полноформатная камера, но еще и звукозаписывающий прибор из тех, которые носят с собой репортеры.

Однако, к слову о Больших Людях, мы как раз подобрались еще к одной знаменитости на борту «Королевы Виктории», которую так же сразила морская болезнь. Это был не кто иной, как лорд Стертон, ну, вы знаете, его еще называют Отшельником с Джермин-стрит. Он никого не принимает, у него нет друзей, и занимается он исключительно тем, что коллекционирует редкие драгоценности...

Доктор Фелл вынул трубку изо рта и часто заморгал.

— Погодите-ка, — с подозрением проговорил он, — я кое-что хочу уточнить, прежде чем вы продолжите. Вы, случайно, не собираетесь пересказать мне избитый анекдот о том, как знаменитый бриллиант, именуемый Озером Света, или как-нибудь в этом роде, был похищен из левого глаза статуи в Бирме и теперь за ним охотится зловецкий иноземец в тюрбане? Потому что если так, то даже слушать дальше не желаю...

Морган сморщил лоб в насмешливой гримасе.

— Нет, — сказал он. — Я предупреждал вас, что дело нелепое и куда более курьезное, чем любой анекдот. Но вынужден признать, что драгоценность действительно фигурирует в этой истории — именно из-за нее мы совершенно запутались, именно из-за нее начался суший ад, — однако изначально ее вовсе не принимали в расчет.

— Гм! — произнес доктор Фелл, пристально всматриваясь в него.

— И еще я вынужден признать, что драгоценность была похищена...

— Кем же?

— Мною, — неожиданно выпалил Морган. Он поерзал на стуле. — Точнее, даже всей нашей компанией. Говорю же, это был суший кошмар. Это изумрудный слон, крупная подвеска, не имеющая исторической ценности, зато баснословно дорогая. Это диковинка, раритет, потому-то лорд Стертон и гонялся за нею. Секрет Полишинеля, что он вел переговоры о покупке с одним обанкротившимся миллионером из Нью-Йорка. И он договорился, я знаю об этом от Кёрта Уоррена. Большой Человек, дядюшка Кёрта, дружит со Стертоном, и дядя рассказал обо всем Кёрту еще до того, как мы погрузились на «Королеву Викторину». Должно быть, добрая половина пассажиров слышала об этом. И все сгорали от желания увидеть знаменитого лорда хотя бы краем глаза, когда он поднимался на борт: странный рыжеватый старичок со старомодными бакенбардами и отвисшей челюстью, в сопровождении одной только секретарши. Он топал вверх по трапу, с головы до пят закутанный в клетчатые пледы, и при этом костерил всех вокруг.

Сейчас, по нескольким причинам, мне кажется даже удивительным, что вы упомянули старинный анекдот о знаменитом сокровище. Поскольку в день начала всех злоключений — четвертый

день нашего путешествия, когда до порта назначения нам оставалось еще трое суток, — мы с Пегги Гленн и шкипером Вальвиком как раз обсуждали изумрудного слона в той самой манере, в какой беседеешь о том о сем, лежа на палубе в шезлонге с наброшенным на ноги пледом и думая лишь о том, когда подадут сигнал к чаю. Мы болтали о том, где сейчас изумрудный слон, в багаже лорда Стертона или заперт в сейфе у капитана, и как в том и другом случае можно его украсть. Пегги, насколько я помню, выстроила весьма сложный и хитроумный план, только я не особенно внимательно слушал. За прошедшие четыре дня мы весьма неплохо узнали друг друга и почти перестали церемониться.

На самом деле, — произнес Морган, — я наполовину задремал. Но затем...

ГЛАВА ВТОРАЯ Опрометчивость дядюшки Уорпуса

Под низко нависшим небосводом растекалась яркая желтизна, но сумерки уже опускались, и пенные барашки на сером море играли разноцветными искрами, пока «Королева Виктория» упорно преодолевала шторм. Линия горизонта падала и снова взмывала над бурлящим и шипящим котлом океана, пронизывающий ветер гулял по почти пустынной палубе. Развалившись в шезлонге, укутанный пледом Морган погрузился в то дремотное состояние, когда рев океана кажется таким же уютным, как потрескивание дров в камине. Он размышлял о том, что скоро по всему лайнеру загорятся огоньки, в ресторане под звуки оркестра накроют чай. Оба его собеседника на мгновение умолкли, и он поглядел на них.

Маргарет Гленн уронила свою книжку на колени и откинулась в шезлонге, прикрыв глаза. Ее довольно худощавое, миловидное и озорное личико — обычно обманчиво строгое, словно у школьной училки, — сейчас выражало недоумение и тревогу. Она держала за дужку очки для чтения в черепаховой оправе, морща лоб над карими глазами. Она была закутана в меховое манто, на шее бешено трепетал шелковый, расписанный вручную шарф, из-под маленькой коричневой шляпки выбивался темный локон, игравший на ветру.

Она задумчиво проговорила:

— Интересно, куда же запропастился Кёрт? Уже скоро чай, а он еще когда обещал прийти, мы же собирались заманить вас обоих в бар на коктейли... — Она пошевелилась, переведя серьезный взгляд на иллюминатор за спиной, словно ожидала увидеть Уоррена там.

— О, я догадался, — лениво протянул Морган. — Он застрял с той бойкой блондинкой из Нэшвилла, помнишь, она впервые едет в Париж, утверждая, что собирается обрести там духовный опыт.

Разрумянившаяся на ветру Пегги уже собиралась что-то ответить, но тут заметила выражение его лица и вместо того лишь показала ему язык.

— Вот еще! — произнесла она, но без всякого запала. — Знаю я таких кривляк. Одевается как потаскушка, но при этом мужчину к себе не подпустит и на пушечный выстрел. Вот что я тебе скажу, — продолжила мисс Гленн, покачивая головой и моргая с умудренным видом. — Держись подальше от женщин, которые желают обрести богатый духовный опыт. Это означает лишь то, что телесно они в этом участвовать не собираются. — Она нахмурилась. — И все же — что могло случиться с Кёртом? Даже если сделать скидку на знаменитую безалаберность американцев...

— Ха-ха-ха! — возликовал вдруг капитан Томассен Вальвик. — Йа вам объяснят, наверное. Наверное, он как лёшадь.

— Какая лошадь? — изумился Морган.

Капитан Вальвик дружелюбно фыркнул, по своему обыкновению сгорбив широкие плечи. Хотя палуба ходила ходуном, отчего шезлонги напозлали друг на друга, он с легкостью удерживал равновесие. Его вытянутая обветренная физиономия сморщилась в радостном предвкушении, а блекло-голубые глаза за крохотными очками в золотой оправе заблестели почти неприлично весело. Он сморщился еще больше, снова фыркнул по-лошадиному сквозь рыжеватые усы, сдвинул на ухо свое широкое твидовое кепи и взмахнул рукой с такой силой, что у человека помельче подобный жест сошел бы за боксерский удар.

— Ха-ха! Ха! — оглушительно захохотал капитан Вальвик. — Йа вам рассказывайт. У меня дома, в Норвегии, у нас есть традиции. Когда вы хотите остановить лёшадь, вы говорите: «Тпру!» Но мы не так. Мы говорим: «Бру-бу-блу-блу-блууу!»

Капитан Вальвик затряс обвисшими щеками, а потом вскинул голову, словно Тарзан над только что пойманной добычей, издав самый выдающийся вопль, какой когда-либо доводилось слышать Моргану. Такие звуки невозможно записать буквами человеческого языка, от этого они лишаются всей своей красоты и проникновенности. Вопль отдаленно походил на бульканье воды, выливающейся из ванны, но завершился торжествующим боевым кличем, к которому примешивалось дребезжанье неисправных канализационных труб, словно мистер Пол Уайтмен (к примеру) сочинил симфонию водосточных труб, решительно задействовав все духовые и струнные.

— Бру-бл-бу-лу-лу-лууу-булууу! — возопил капитан Вальвик, начав пониже, с потрясения головой и щеками, и запрокидывая голову на самой высокой ноте.

— Не слишком ли сложно? — поинтересовался Морган.

— О нет! Йа делаю легко, — хмыкнул его собеседник, благодушно кивая в подтверждение своих слов. — Но йа рассказывайт, как первый раз попробовал это с лёшадь, который понимал только английский, и лёшадь не понимал меня. Йа рассказывайт, как это было. В тот раз, когда йа был молод, я ухаживал за девушкой из Вермонта, где всегда снег, как в Норвегии. И вот йа подумал: йа ее покатайт на санках, чин по чину. Йа нанял лучший лёшадь и санки, какие были, йа сказал девушке: жди в два, и йа поехал за ней. Ну, йа, конечно, хотел сделать впечатление на девушку, и вот йа поехал по дороге и увидел ее на крыльце, как она ждала меня. И тут йа подумал, надо бы подъехать с шиком, и йа сказал лёшадь: «Бру-бл-бу-бл-бууу!» — красиво и громко, чтобы мне повернуть в ворота. Но лёшадь не остановился. И йа подумал: «Шёрт побери! Что за странный лёшадь!» — Тут капитан Вальвик театрально взмахнул рукой. — И тогда йа закричал: «Бру-бу-бл-бууу!» И йа наклонился к самой лёшадь и закричал снова. Тогда лёшадь обернул голову и посмотрел на меня. Только не остановился. Лёшадь так и бежал вперед, мимо дома, где ждала моя девушка, и бежал все быстрее, чем громче йа кричал: «Бру-бу-бл-бууу!» И моя девушка открыла на меня глаза и посмотрела так смешно, только лёшадь бежал галопом прямо по дороге, и йа стоял в санках, снял шляпу и кланялся, кланялся все время, пока уезжал от нее все дальше и дальше; йа так и кланялся, пока мы не завернули за поворот, и больше йа ее не увидел...

Все это сопровождалось настоящей пантомимой: капитан Вальвик натягивал поводья воображаемой лошади. Испустив тяжкий вздох, он скорбно помотал головой, после чего дружески подмигнул:

— Йа так больше и не приглашал девушку покататься. Ха-ха-ха!

— Что-то я не улавливаю, — заявила Пегги Glenn, глядевшая на него с недоумением. — Чем на эту лошадь похож Кёрт Уоррен?

— Йя не знаю, — признался капитан и поскреб голову. — Йа только хотел рассказать историю, йа полагаю... Может, у него морская болезнь? Ха-ха-ха! И это напоминает мне. Йа вам рассказывайт историю, как был бунт на корабле, потому что мой кок все время съедал из супа весь горох и...

— Морская болезнь? — воскликнула девушка с негодованием. — Чепуха! По крайней мере... бедняга, надеюсь, что нет. Мой дядя так от нее страдает, а еще больше — оттого, что пообещал выступление своих марионеток на судовом концерте... Как думаете, может, нам стоит пойти и узнать, что там с Кёртом?

Она умолкла, когда стюард в белом кителе кое-как выбрался на палубу из ближайшей двери и всмотрелся в сгустившиеся сумерки. Морган узнал в нем стюарда, который обслуживал его каюту: жизнерадостный молодой человек с приглаженными черными волосами и лошадиным лицом. Сейчас у него был какой-то заговорщический вид. Скользя по палубе, продуваемой ветром, он помахал Моргану и заговорил, перекрикивая шипение и грохот волн.

— Сэр, — начал он, — я от мистера Уоррена. Он просил передать привет, а еще он приглашает вас зайти. И всех остальных друзей тоже...

Пегги Glenn села прямо:

— Но с ним все в порядке? Где он? Что вообще происходит?

Стюард засомневался было, но затем принялся успокаивать ее:

— О, что вы, мисс! Все в порядке. Просто, я так понимаю, кто-то его стукнул.

— Что?

— Дал ему в глаз, мисс. И еще по затылку. Но он нисколько не расстроился, мисс, ни капли. Когда я выходил, он сидел на полу в каюте, — восхищенно продолжал стюард, — с полотенцем на голове и обрывком киноплёнки в руке и ругался на чем свет стоит. Но наподдали ему здорово, мисс, что верно, то верно.

Они переглянулись, а затем все вместе поспешили за stewardом. Капитан Вальвик, отдуваясь и сопя в усы, грозил негодьям всеми карами небесными. Они с усилием оттянули одну из дверей и ввалились в теплый, пахнувший краской и резиной коридор, а в следующий миг дверь захлопнулась от ветра, подпихнув их. Каюта Уоррена, большой двухкомнатный люкс, который он занимал один, располагалась на палубе С и была крайняя по правому борту. Они спустились по ходившему ходуном трапу, проскочили мимо мрачного зева, ведущего в ресторан, и постучали в дверь С91.

Мистер Кёртис Дж. Уоррен, обычно ленивый и добродушный, сейчас клокотал от злости. В воздухе угадывался отголосок недавно высказанных богохульств, отчетливый, как запах чеснока. Голова Уоррена, словно тюрбаном, была обмотана мокрым полотенцем, а на лице отпечатались костяшки чьего-то кулака. Зеленые глаза Кёртиса горестно взирали на друзей с худощавого, только что умытого лица, волосы топорщились над повязкой, словно у домового, в руке он сжимал вроде бы киноплёнку с перфорацией для звуковой дорожки, криво оборванную с одного конца. С пола он пересел на край койки, плохо различимой в свете желтоватых сумерек, льющихся в иллюминатор каюты, которая была буквально перевернута вверх дном.

— Входите же, — пригласил мистер Уоррен. А в следующий миг взорвался. — Когда я поймаю, — объявил он, делая глубокий вдох, словно готовясь произнести речь и старательно подбирая слова, — когда я поймаю этого малодушного, презренного сукина сына, который пытался сбежать с этим... когда я только увижу омерзительную рожу этой похотливой скотины, которая мотается по кораблю и бьет людей дубинкой по голове...

— Кёрт! — воскликнула Пегги Glenn и кинулась осматривать его голову, поворачивая из стороны в сторону, словно проверяла, чисто ли вымыто у него за ушами.

Уоррен вырвался, охнув.

— Но, дорогой, что произошло? — спросила девушка. — То есть почему ты допустил, чтобы подобное произошло? Сильно болит?

— Детка, — с достоинством отвечивал Уоррен, — могу признаться, что пострадало не только мое достоинство. Когда мою голову залатают, я, наверное, буду походить на бейсбольный мяч. Что до того, будто бы я сам допустил подобное происшествие... Ребята, — произнес он угрюмо, обращаясь к Моргану и капитану, — мне нужна помощь. Я здорово влип, и это не шутки.

— Ха! — буркнул Вальвик, разглаживая громадной ручищей усы. — Вы только скажите мне, кто вас шмякнул, а? Ха! Тогда уж йа его возьмёт и...

— Я не знаю, кто это был. В том-то и дело.

— Но чего ради? — спросил Морган, обозревавший разгромленную каюту, однако в ответ его друг лишь кисло улыбнулся.

— А вот это, дружище, — сказал ему Уоррен, — как раз по твоей части. Не знаешь, нет ли у нас на борту каких-нибудь мошенников международного класса? Каких-нибудь князей или княгинь, которые вечно зависают в Монте-Карло? Потому что похищен важный государственный документ... Нет, я не шучу. Я понятия не имел, что этот чертов компромат у меня, мне и в голову не приходило, я думал, он уничтожен... Говорю же, я в большой беде, и это вовсе не смешно. Присядайте куда-нибудь, и я все объясню.

— Ты немедленно отправляешься к доктору! — с жаром возразила Пегги Гленн. — Или ты думаешь, я позволю тебе закончить амнезией или чем-нибудь в этом роде...

— Детка, послушай, — взмолился он, сдерживая бешенство, — похоже, ты так и не поняла. Это же бомба. Это прямо... да как в каком-нибудь шпионском романе Хэнка, хотя, если подумать, тут даже что-то новенькое... Слушайте все. Видите эту пленку?

Он протянул обрывок киноплёнки Моргану, который принялся разглядывать его в догорающем свете из иллюминатора. На кадрах был один и тот же солидный седовласый джентльмен в вечернем костюме, вскинувший над головой сжатый кулак, — вероятно, он произносил речь, причем рот у него был широко разинут, словно это была весьма зажигательная речь. Более того, во всей этой достойной персоне смутно угадывалось что-то весьма странное: галстук съехал куда-то к уху, а над головой и плечами зависли какие-то брызги, которые Морган поначалу принял за снежные хлопья. На самом деле это были конфетти.

И лицо оратора показалось ему смутно знакомым. Морган некоторое время всматривался в его черты, прежде чем до него дошло, что это не кто иной, как тот самый Большой Человек, важная птица в администрации президента, влиятельнейший политик, едва ли не верховный жрец, вызывающий дождь. Слушая по радио его жизнерадостный, успокаивающий голос, миллионы вдохновленных им американцев мечтали о новой лучезарной эпохе на-

ционального процветания, когда по кредитам вообще не придется платить, и прочих сходных концепциях золотого века Америки. Его чувство собственного достоинства, его образованность, его безукоризненные манеры...

— Да, ты прав, — криво усмехнулся Уоррен. — Это мой дядя. Сейчас я все расскажу... и не смейтесь, потому что все серьезней некуда.

Он славный малый, мой дядюшка Уорпус, вы должны это понимать. И он оказался в таком положении потому, что просто повел себя по-человечески, с каждым случается, но только кое-кто может рассудить иначе. Всем политикам необходимо время от времени спускать пар. А не то они озвереют и откусят ухо какому-нибудь послу или вытворят что-нибудь еще в том же духе. Ведь если во всей стране бардак и все идет сикось-накось, а разные дубинноголовые тупицы противятся введению разумных мер, бывают моменты, когда политики взрываются. В особенности в своем кругу и после пары приличных коктейлей.

Так вот, у меня хобби, я снимаю любительские фильмы с, прости господи, звуком. И примерно за неделю до отплытия мне пришлось, скажем так, заявиться к дядюшке Уорпусу в Вашингтон с прощальным визитом. — Уоррен опустил подбородок на руки и сардонически поглядел на приятелей, разошедшихся по каюте в поисках мест, чтобы сесть. — Я не мог тащить с собой аппаратуру за границу — слишком хлопотно. И дядя Уорпус предложил оставить все у него. Его подобная техника интересует, он подумал, что, пока меня нет, попробует сам научиться, если я покажу ему сперва, как что работает.

В первый вечер, когда я приехал, — продолжал Уоррен, тяжело вздохнув, — в доме дядюшки Уорпуса собралась очень большая и очень достойная компания. Однако, когда начались танцы, он сам и несколько приятелей из его кабинета и из окружения сенатора удрали подальше: они устроились наверху в библиотеке, где играли в покер и потягивали виски. Когда я приехал, они вдруг решили, что будет просто великолепно, если я достану камеру и мы там, прямо в библиотеке, снимем кино со звуком. Потребовалось какое-то время, но с помощью дворецкого я все подготовил. А они тем временем пропустили еще по нескольку стаканчиков. Среди них были весьма крепкие ребята, такие молчаливые, правильные

Карр Дж. Д.

К 26 Слепой цирюльник : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. Е. Королевой, Е. Куприна, О. Обвинцевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 736 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-25529-6

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

В 1933 году в романе «Ведьмино Логово» Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. А затем, в романе «Три гроба» (1934), вышедшем также под названием «Полый человек», доктор Фелл обратился к читателю с легендарной «Лекцией о запертой комнате», неожиданно пополнив список своих славных свершений непревзойденным исследованием механизма одной из ключевых сюжетных схем детективной литературы.

Настоящий сборник, продолжающий цикл историй о приключениях хитроумного и обаятельного доктора Гидеона Фелла, представляет вниманию читателя знаковый роман «Три гроба», а также романы «Слепой цирюльник» (1934) и «Часы смерти» (1935).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
СЛЕПОЙ ЦИРЮЛЬНИК

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Татьяна Шушлебина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.10.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34519-01-R